

Сюжеты о добрых и «культурных» немцах в устных рассказах об оккупации

Екатерина Алексеевна Закревская

Институт славяноведения РАН, Москва, Россия

Младший научный сотрудник

ORCID: 0009-0002-7872-5020

Центр славяно-иудаики Института славяноведения РАН

119334, Россия, Москва, Ленинский проспект, 32А

Тел.: +7(495)938-17-80

E-mail: eazakrevskaya@gmail.com

Исследование было проведено в рамках программы стипендий Исследовательского центра Частного учреждения культуры «Еврейский музей и Центр толерантности» (Москва) при финансовой поддержке А. И. Клячина.

Автор благодарит Валерия Дымшица за ценные советы при подготовке публикации.

DOI: 10.31168/2658-3356.2024.23

Аннотация. Предметом исследования статьи являются устные рассказы о мирном сосуществовании в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) на оккупированных советских территориях местного населения с нацистами. Источниковая база исследования – интервью из архива Центра «Сэфер» (2004–2024 гг.) и из медиа-архива Еврейского музея и Центра толерантности (г. Москва, 2020–2024 гг.). Такие рассказы достаточно частотны, хотя медийных параллелей они не имеют (то есть не могут быть объяснены медиа-заимствованиями), а их соответствие исторической реальности сомнительно. В статье при помощи методов фольклористики и когнитивной психологии выявляются причины популярности и устойчивости таких рассказов в устной традиции. С одной стороны, это существование этнического стереотипа о немецкой «культурности», с другой – особенности крестьянского мировоззрения (этическое суждение распространяется только на членов сообщества).

Ключевые слова: *устная история, исследования памяти, квази-исторический фольклор, оккупация советских территорий, Холокост, коллаборационизм, немцы, венгры, этнические стереотипы*

Ссылка для цитирования: *Закревская Е. А.* Сюжеты о добрых и «культурных» немцах в устных рассказах об оккупации // *Культура славян и культура евреев: диалог, сходства, различия.* 2024: Концепт границы в славянской и еврейской культурной традиции. С. 463–489. DOI: 10.31168/2658-3356.2024.23

Почти каждый человек, когда-либо имевший дело с устными рассказами о Великой Отечественной войне (будь то полевая работа или фиксация семейной истории в неформальной обстановке), вероятно, слышал рассказы о «добром» немце, который делится своим пайком с ребенком (самим рассказчиком или его предком), угощает его конфетами или показывает фотографию своих детей. Другой популярный нарратив, распространенный как у евреев, так и у их соседей иной этнической принадлежности, повествует о том, что при приближении нацистов евреи отказались эвакуироваться, так как верили, что немцы – порядочные люди и не причинят им вреда. Эти рассказы роднит между собой лежащее в их основе представление о немецкой цивилизованности, порядочности и культурности. На материале устных нарративов я покажу, как это представление влияет на коллективную память о войне и оккупации. В основу этой статьи легли собранные в 2004–2024 гг. интервью из архива Центра «Сэфер» (около 500 единиц), интервью, собранные мной и моими коллегами в 2020–2024 гг. в рамках проекта Еврейского музея и Центра толерантности «Еврейские коммеморативные практики и современный культ Победы» (более 600 единиц), а также мои записи 2018–2019 гг. по теме устной истории коллективизации и раскулачивания (около 30 единиц).

Политика на оккупированных территориях и отношении оккупантов к местному населению

Особенная жестокость нацистского оккупационного режима на советских территориях (в сравнении с оккупированными странами Европы) объяснялась существовавшей в нацистской риторике мифологемой о «жидобольшевиках». Представление о том, что большинство коммунистов – евреи, сформировалось в монархиче-

ских кругах предреволюционной России; Гитлера с ним ознакомил уроженец Таллина Альфред Розенберг [Rosenberg]. Это представление заложило основу не только для Холокоста на оккупированных советских землях, но и для неизбирательных репрессий против людей, любым образом связанных с коммунистической партией и Красной армией. Хотя некоторые нацисты сочувствовали славянам, «страдающим» под «советским и еврейским правлением» [Старгардт 2023, 191–192, 207], эта идеология давала возможность репрессировать широкий круг советских граждан под прикрытием борьбы с «жидобольшевизмом». Никакой ответственности или отчетности за убитых из-за малейшего неповиновения советских граждан не предполагалось: возможность так поступать была прямо прописана в приказах «О комиссарах», «О поведении войск в России» и «О военной подсудности» [Дюков и др. 2023, 26–31]¹.

В советской печати информация о жестокости оккупантов стала появляться уже зимой 1941–1942 гг., когда Красная армия начала освобождать Центральную Россию. В 1941 г. начала работать Комиссия по истории Великой Отечественной войны АН СССР, которая фиксировала и устные рассказы об оккупации, а в 1942 г. начала свою работу Чрезвычайная государственная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков, акты которой были составлены со слов жителей бывших в оккупации территорий. В прессе тему происходившего на оккупированных территориях впервые подняли члены Еврейского антифашистского комитета, которые направили Сталину несколько писем с описаниями Холокоста на советской земле, а также публиковали эту информацию в выходившей на идише газете «Эникайт» [Голдман, Фильцер 2023, 548]. В печати на русском языке речь шла о преступлениях против мирных жителей любой этнической принадлежности: весной 1942 г. в газете «Красная звезда» вышел ряд материалов, содержащих рассказы очевидцев. 27 апреля

¹ Примером, который иллюстрирует отношение нацистского командования к советским гражданам, может служить история зондер-батальона СС Дирлевангера. Это состоящее из преступников исправительное формирование изначально было расквартировано в Польше, однако солдаты не раз были уличены в нападениях на мирное население, грабежах и изнасилованиях. Их поведение не устраивало нацистское командование – поэтому батальон для борьбы с партизанами был переведен в Беларусь. См. подробнее: MacLean 1998.

1942 г. нарком иностранных дел СССР Вячеслав Молотов направил всем правительствам и миссиям стран, не воюющих с СССР, ноту «О чудовищных злодеяниях, зверствах и насилиях немецко-фашистских захватчиков в оккупированных советских районах и об ответственности германского правительства и командования за эти преступления» [Молотов 1942]². В документе были перечислены преступления нацистов в частности казни гражданских лиц за нарушение установленных оккупационной администрацией порядков или в отместку за акции партизан; жестокие убийства ради развлечения; осквернение трупов убитых. Детали преступлений были подробно описаны: к примеру, в статье не просто отмечался факт многочисленных изнасилований советских женщин, но подчеркивалось, как отмечают современные исследователи В. Голдман и Д. Фильцер, что

девушек раздевали и насиловали, их замерзшие трупы валялись на деревенских улицах с выколотыми глазами, отрезанными грудями, изувеченными лицами [Голдман, Фильцер 2023, 549–550].

Такие детали, вероятно, имели в числе прочего мобилизационную прагматику. Описания невероятной жестокости противника к детям и женщинам мотивировали советских солдат сражаться, а оставшихся в тылу граждан – усердно работать на благо фронта. Неслучайно одними из центральных героев советского «канона» в военные и послевоенные годы стали жестоко казненные нацистами партизанки Зоя Космодемьянская и Лиза Чайкина [Platt 2017; Harris 2011]³.

Позднее преступления против мирного советского населения подтвердили западные исследователи. Для них исследование оккупации долгие годы было осложнено тем, что советские архивы и рассказы свидетелей были недоступны вплоть до распада СССР. Этот дефицит они восполняли обращением к рассказам эмигрантов – так появился Гарвардский архив и ряд исследований, напи-

² 28 апреля 1942 г. текст ноты был опубликован в центральных газетах: например, в «Правде» (№ 118, с. 1–3) и в «Красной звезде» (№ 99, с. 1–3).

³ Подробнее об этой риторике в свете гендерного контракта сталинизма см.: Малая, Закревская, Аиткулова 2020.

санных на его материалах (к примеру, работы Александра Даллина [Dallin 1957]). Российские исследователи тоже обратились к материалам американских архивов – так, под редакцией Олега Будницкого на русском языке были опубликованы материалы Гуверовского и Бахметьевского архивов. Однако находящиеся в них свидетельства эмигрантов были идеологически тенденциозны, а их авторы нередко преуменьшали преступления нацистов и преувеличивали урон, нанесенный им советским режимом [Будницкий, Зеленина 2012, 237–238, 244]. Тем не менее даже готовые к идеологическому коллаборационизму авторы дневников отмечали, что, оказавшись в оккупации, были разочарованы. Немцы не собирались с ними сотрудничать, а вместо этого ввели новый порядок, за нарушение которого полагался расстрел: в частности, за контакты с партизанами и красноармейцами [Будницкий, Зеленина 2012, 252].

На западе разговор о преступлениях рядовых солдат Вермахта был затруднен в том числе и из-за этической стороны вопроса: отцы и деды многих молодых немцев принимали участие в боевых действиях на Восточном фронте, и допускать мысль об их участии в военных преступлениях им было дискомфортно. Сложился консенсус, согласно которому Холокост и военные преступления против гражданского населения осуществлялись исключительно силами СС (особого военизированного формирования НСДАП). Дискуссии об ответственности рядовых солдат Вермахта развернулись только к 1990-м гг. – после того, как произошел «спор историков» [Кольга 2010] и был выпущен ряд исследований на эту тему [Berkhoff 2004; Lower 2005; Pohl 2009 и др. работы]. При этом тема ответственности рядовых солдат Вермахта до сих пор вызывает напряжение в немецком обществе [Pohl 2009, 4–6].

«Немцы – культурные люди»

Срок существования личной, «свидетельской» памяти составляет около 80 лет; по истечении этого времени память трансформируется в культурную (поддерживаемую институтами общества) или коммуникативную (передаваемую устно внутри социальной группы) [Assmann, Czaplicka 1995]. Память о Великой Отечественной войне, от окончания которой на момент написания этой статьи

минуло 79 лет, в последнее десятилетие претерпела трансформацию от личной памяти свидетеля к коллективной памяти. Большая часть того поколения, которое застало войну в сознательном возрасте, ушла или уходит из жизни. Это значит, что устные истории о войне сейчас бытуют среди потомков очевидцев. Истории, которые они рассказывают, являются не повествованием о реально пережитом опыте, а многократно пересказанными меморатами, которые вбирают в себя не только реальный опыт предков или соседей рассказчика, но и сюжеты из книг, кино и медиа, а также нарративы традиционной культуры. Именно из-за того, что эти рассказы передаются устно, трансформируются под воздействием множества пересказов и «редактируются» каждым следующим рассказчиком, я изучаю их при помощи методов фольклористики и рассматриваю как современный фольклор. Как я покажу далее, восьмидесятилетний рубеж для устной традиции действительно важен: рассказы, записанные в последние несколько лет, изобилуют фольклорными клише и сюжетами – в отличие от историй, записанных 10–15 лет назад.

Важно отметить, что, называя рассматриваемые нарративы фольклорными, я не хочу сказать, что они не могут быть правдой. Современная фольклористика не верифицирует нарративы, а исследует закономерности их построения и трансмиссии. Фольклористов, как и устных историков, в корпусе рассказов о прошлом интересуют принципы отбора нарративов в традицию. Почему истории об одних событиях многократно пересказываются, а о других событиях – нет? [Неклюдов 2007; 2016]. Почему одни события в «устной» памяти сохраняются почти неизменными, а другие искажаются и замещаются вымышленными?⁴ Таким образом, здесь аналитические возможности фольклористики дополняют и расширяют тот набор объяснений (как правило, связанных с внешним контекстом – политикой памяти, «мемориальными войнами», коммеморативными практиками и т.д.), которые могут предложить исследования памяти.

В наши дни в устной традиции есть два противоположных способа повествования о сосуществовании с нацистами. Это рас-

⁴ См. статью Александры Архиповой* и Иосифа Зислина о замещении в народной традиции памяти о реальных преступлениях нацистов городской легендой о том, что во время Холокоста из евреев делали мыло [Архипова*, Зислин 2019]. (* Выполняет функции иностранного агента.)

сказы о невероятной жестокости нацистов – и, напротив, об их цивилизованности, культурности и лояльном отношении к жителям оккупированных территорий. Популярность рассказов о насилии со стороны оккупантов легко объяснить. Рассказы об их звериной жестокости не просто соответствуют исторической реальности или близки к ней; важно, что еще во время войны такие истории стали появляться в государственных СМИ, поэтических текстах, речах политиков. Эта медийная «подпитка», вероятно, обогащала низовую память и укрепляла людей во мнении, что помнить и говорить о нацистской оккупации таким образом – правильно.

Кроме того, истории, повествующие об изощренной жестокости (не только на тему нацистской оккупации), в целом популярны в устной традиции. Это можно объяснить механизмом эмоционального отбора. Такой термин предложил когнитивный психолог Крис Бэлл – он описал закономерность, согласно которой нарративы, вызывающие сильные эмоции, легче передаются [Heath, Bell, Sternberg, 2001]. Применительно к нарративам о войнах этот принцип чаще всего реализуется именно в рассказах о жестокости [Белянин, Закревская 2023]. К примеру, в России во время Первой мировой войны устно и в печати передавались слухи о том, что немцы насиловали маленьких девочек и затем отрезали им обе руки или подбрасывали младенцев в воздух и ловили штыком [Аксенов 2020, 326]. Существуют и случаи, когда похожие нарративы намеренно конструировались в пропагандистских целях⁵. Соотношение реальности, военного фольклора и пропаганды в таких рассказах – это сложный вопрос, прояснить который в рамках этой статьи не представляется возможным. Однако одно правило складывания таких сюжетов явно существует: рассказы о бессмысленной и показательной жестокости появляются вокруг реальных событий,

⁵ К примеру, широко известны так называемые показания Наиры – лжесвидетельство о том, что во время одного из конфликтов на Ближнем Востоке иракские солдаты ворвались в больницу в Кувейте и выбросили из инкубаторов недоношенных младенцев, чтобы наблюдать, как они умрут. Склоняя конгрессменов ко вторжению в Ирак, «показания» нередко цитировал Джордж Буш, однако потом выяснилось, что эта история была сфабрикована специально для того, чтобы изменить общественное мнение американцев [Andersen 2006, 170–172].

однако способ убийства в устной традиции меняется на более изощренный – вызывающий еще большие шок и отвращение, чем реальность. Так появились городские легенды о том, что во время акции Холокоста на Змиевской Балке нацисты заживо давили людей танками (в реальности – расстреливали) [Белянин, Закревская 2023], а в европейских лагерях смерти – делали мыло из евреев [Архипова*⁶, Зислин 2019].

В Ростове-на-Дону мы записали любопытный пример фольклоризированного нарратива о пионерах-героях, казненных нацистами за сокрытие раненых красноармейцев. Рассказ о подвиге пионеров и об их последующем расстреле изложен в книге Антонины Ленковой «Это было на Ульяновской» [Ленкова 1985] и широко известен в городе. Наш собеседник рассказал нам «народную» версию – в его исполнении пионеров-героев не расстреляли, а заживо растворили в извести. При этом он отметил, что такую версию он слышал в разговоре, а о расстреле читал – то есть он понимал, что письменная и устная версии этого нарратива отличаются:

Я слышал только, что пионеры, дети, красноармейцев... Немцы только ворвались в город, и они раненых красноармейцев прятали в подвале. А потом кто-то [нрзб.] доложил немцам, что они прячут. Немцы пришли, этих красноармейцев вытащили, расстреляли. Потом жителей не только этого дома собрали, построили – кто их прятал? Молчат. Если, – немецкий офицер говорит, – если вы сейчас не признаетесь, кто их прятал, каждый второй будет расстрелян. Тогда один из пацанов, пионеров, ну, сколько там, 13–14–15 лет, сколько там, сказал, вышел, это я сделал. И остальные пацаны тоже вышли, и их тоже расстреляли. По одним данным их расстреляли, а по другим данным – их сбросили в какую-то яму, которую предварительно засыпали негашёной известью. Представляете, живого человека сбросить туда? А потом залили водой, и они там умирали в страшных мучениях. Вот, говорят, так было. А по другим данным просто расстреляли [Инф. 1].

⁶ Выполняет функции иностранного агента.

В отличие от таких нарративов, рассказы о добрых, культурных немцах идут вразрез с публичным дискурсом об оккупации⁷. После окончания войны и разделения Германии на сферы влияния в советской риторике произошла некоторая «реабилитация» немцев: в СМИ стали подчеркивать роль пострадавших от репрессий противников Гитлера [Голдман, Фильцер 2023, 583–584]. Однако эта риторика оправдывала не солдат Вермахта, а немцев-оппозиционеров, многие из которых еще до начала Второй мировой войны были убиты или заключены в тюрьмы и лагеря.

Достоверность или недостоверность рассказов о «добрых немцах» доказать невозможно: даже принимая во внимание антипатию и вседозволенность по отношению к советским гражданам, нельзя утверждать, что за годы оккупации ни один оккупант не проявил доброты к советскому гражданину или не угостил конфетой ребенка. Однако общий тренд в отношениях с немцами, очевидно, состоял не во взаимопомощи и добрососедстве. Кроме того, даже если бы все записанные мной и коллегами из «Сэфера» рассказы о немецкой культурности и доброте были достоверными, это все равно не снимало бы вопроса о том, почему об этом фрагменте реальности говорят больше, чем о многих других, и почему в таких рассказах появились устойчивые повторяемые сюжеты.

Объяснить популярность историй о культурных немцах и их успешное «закрепление» в «каноне» я предлагаю при помощи понятийного инструментария фольклористики. В рассказах, которые я привожу в этой статье, детали реальных случаев зачастую теряются, и на их место приходит обобщенное неотрефлексированное знание о мире. Этнические стереотипы являются именно таким «народным», неотрефлексированным знанием. Представление об особой немецкой «цивилизованности» укоренено в культуре: лингвисты делают такой вывод, анализируя данные словарей, пословиц, художественной литературы [Чекина 2022]. В небольшом

⁷ Единственная медийная параллель к таким рассказам – агитационная пресса, распространяемая нацистами на оккупированных территориях. Однако круг ее читателей был невелик, а после снятия оккупации эти газеты стали недоступны, так что маловероятно, что их содержание существенно повлияло на коллективную память о войне.

опросе на выявление языкового стереотипа⁸, который я провела при подготовке статьи, мои респонденты отметили, что типичный немец – «вежливый», «спокойный», «строгий»; настоящий немец – «пунктуальный», «увлекается искусством», «любит Гёте и Манна», а к качествам, несвойственным немцу, они отнесли неряшливость, легкомыслие и отсутствие начитанности.

В рамках своей кандидатской диссертации, а также проекта РНФ «Каталог текстов и сюжетов о Холокосте (на материалах экспедиций, соцмедиа и СМИ)» я работаю над указателем сюжетов в нарративах о Великой Отечественной войне и оккупации. Версия указателя, которую я создаю в рамках диссертации, разрабатывается в соответствии с предложенной Кириллом Чистовым концепцией «основного представления» [Чистов 2003, 9–10]. По мысли Чистова, основное представление – это некоторое знание о мире, которое выражается в ряде нарративов (как правило, меморатов и фабулатов), но при этом не проговаривается эксплицитно, а разыгрывается сюжетно. К примеру, стереотип о еврейском богатстве выражается и в анекдотах, конспирологических нарративах, традиционных легендах о еврейских кладях, и в недавних, по меркам истории, фабулатах и меморатах о Великой Отечественной войне [Белянин 2024] Согласно моей гипотезе, вычленение таких «основных представлений» из массива устных рассказов о войне и оккупации позволит описать свойственные современным жителям России и Беларуси (стран, где были записаны используемые мною интервью) представления о мире.

К набору сюжетов, порожденному представлением о немецкой культуре и цивилизованности, я отношу следующие.

- 1) Немецкие солдаты кормят местных жителей/детей.
- 2) Немецкий солдат показывает жителю оккупированной территории фото своей семьи.
- 3) Немецкий солдат спасает еврея от гибели.

⁸ Здесь я пользуюсь методологией (хотя и в редуцированном виде), предложенной для выявления языковых стереотипов Ежи Бартминьским. Я провела мини-опрос, в котором спросила у респондентов, каков «типичный» и «настоящий» немец, а также что немцу несвойственно. Я не включила в опрос пункты об атрибутах и практиках типичного немца и не работала с корпусными данными, т. к. посчитала это избыточным. См. подробнее: Бартминьский 2005.

- 4) Немецкий солдат спасает местных жителей от угрозы грабежа/насилия/домогательств со стороны коллаборантов/румын/венгров.
- 5) Евреи отказываются эвакуироваться, потому что не верят, что немцы уничтожают евреев.

«Добрые немцы» в устных рассказах о войне

В рассказах детей войны встречаются воспоминания о том, как немцы, находившиеся в их доме на постое, специально следили за тем, чтобы готовящая им женщина не дала своим детям ничего из полученных для готовки продуктов [Рычкова, Черванёва 2022, 32–33]. Вероятно, записать такую историю было возможно только от очевидца событий: в дальнейшем бытовании этот сюжет изменился с точностью до наоборот. Представители второго поколения (и далее) скорее склонны рассказывать о том, как «добрый» немец поделился с ними своим пайком. Такой рассказ я записала в 2021 г. от двух женщин 35–40 лет:

– Кто-то говорит, что ничего не делали немцы, конфеты давали.

– У меня немцы у бабушки стояли, прямо в доме, они на улице у всех жили <...> У нее маленький ребенок был, ей, говорят, даже конфеты давали.

– [Соседка, которая застала оккупацию] говорит, сколько помню, когда приходили немцы, шоколадки давали, не трогали. Именно фашисты были реально, а где-то нормальные были, не издевались. Она говорит, мы реально жили среди немцев, и нас никто не трогал [Инф. 2 и 3].

Безусловно, четкой границы здесь нет: информанты, которые формально застали войну, но были маленькими детьми и, вероятно, не имеют подлинных личных воспоминаний о ней⁹, склонны применять в своих рассказах появившиеся позднее нарративные

⁹ О том, как дети войны в результате социального давления, создаваемого статусом свидетеля войны, продуцируют ложные воспоминания, см. подробнее: Закревская, Белянин 2024.

шаблоны, а информанты, родившиеся после войны, могут удивительно точно воспроизводить рассказы своих предков, годами не привнося в них ничего от себя. Однако общая закономерность состоит в том, что чем больше времени проходит после войны, тем сильнее заметно влияние фольклорных шаблонов и тем больше в нарративах о военной повседневности «добрых» немцев. Их неприглядное поведение «вымывается» из устной традиции, в том числе потому, что представляет собой избыточное уточнение – оккупанты и так являются врагами, это не требует экспликации и обсуждения. Куда большее внимание в устной традиции уделяется преступлениям коллаборантов – так происходит потому, что они являются членами сельского сообщества и их «моральный облик» живо интересует односельчан [Закревская 2023]. Оккупанты при этом воспринимаются нейтрально, как некоторое приходящее и уходящее внешнее явление [Панченко 2013; Энгелькинг 2019; Амосова 2023]. Вероятно, такое восприятие и порождает сюжеты о мирном сосуществовании с оккупантами, которые тоже не рады войне и не сочувствуют целям нацистского режима:

У моей бабушки стоял постоялец, мадыр. Венгр. Звали его Йонча. А я не знаю, как это перевести. Скажу, Йонча, ты чего пришел русскую землю топтать? А он мне и говорит: я не хочу пух-пух людей, убивать. Ага. А что ты хочешь? Пускай, говорит, Сталин и Гитлер встретятся и кто кого это... Кулаками забьет <...> У тебя, говорю, есть жена? Ну, покрыта платком, показывает. Есть. Ярыки есть? Ярыки это, значит, дети. Ну он и показывает четыре пальца. Четыре хлопца его детей [Инф. 4]¹⁰.

Распространенный сюжет о немце, рассказывающем о своей семье или показывающем фото своих детей, тоже описывает картины мирной коммуникации с оккупантами, которые обращаются к

¹⁰ При этом известно, что на оккупированных советских территориях венгры совершали не меньше военных преступлений, чем немцы, так что воспоминания о мирном сосуществовании с ними кажутся скорее аберрацией памяти. Несколько особенно громкие случаи массовых убийств гражданского населения венграми произошли неподалеку от хутора Дивногорье, где было записано это интервью – к примеру, вместе с заключенными был ликвидирован концентрационный лагерь под Острогжском. См. подробнее: Краус, Варга 2015.

советским гражданам через универсальный общечеловеческий опыт:

У нас жило три немца, и один из них пожилой был. И вот он приходил когда... Он иногда брал меня даже на колени, доставал фотографию, а там на фотографии был мужчина, женщина и двое мальчишек, и он даже плакал. Я поражался: все его бояться, а он плачет. И вот я тогда их два слова запомнил: фрау, фрау, фрау, фрау [нрзб.]зон... Жена и сыновья. Ну, он был уже пожилой, и поэтому, видимо, он был и такой... Ну, лояльный. Скучал по семье. А вот у нас через дорогу жил молодой немец. Ну, может двадцать лет ему там было. Это был изверг. Он так изводил эту семью, в которой жил... [Инф. 5].

В приведенном выше рассказе есть еще одно распространенное нарративное клише: «добрый немец», которому посвящен рассказ, противопоставляется либо всем остальным нацистам, либо одному конкретному агрессивному нацисту. Вероятно, противопоставление нужно рассказчикам для того, чтобы создать «приращение знания» – нарративы, которые содержат информацию об исключении из правила, легче передаются [Буае 2017; Панченко 2022, 27]. Кроме того, такой ход позволяет примирить «неконвенциональные» нарративы семейной и локальной памяти с доминирующей в публичном дискурсе оценкой нацизма как абсолютного зла.

В устных нарративах немцы нередко выступают своеобразным «арбитром», защищая население оккупированных территорий от злоупотребления со стороны «полицаев», венгров или румын. Так, в рассказе информанта «Сэфера», ребенка войны и выходца из еврейской семьи, встречаются оба этих сюжета. Он рассказал о том, как его семья бежала из Рыбницы после того, как евреев начали сгонять в гетто:

Инф. 6: На ночь спрятались в лесу, чтобы переждать и дальше бежать <...> Наступило это самое, утро. Я проснулся и захотел кушать, а у мамы пропало молоко, и она брала тогда молодые початки кукурузы, заворачивала, завернула в тряпочку, дала мне, чтобы я молчал. И в это время само только солнце зашло, по дороге [нрзб.] подвода, на ней два

румына. Они слышали, что кто-то плачет, да, и кто там? [нрзб.] Жиды. Выгнали, там была бабушка, папа, мама и я с сестричкой, нас было пять человек. И вот они с этими пожитками на проселочную дорогу, штыками раскидали вещи, потому что думали, что найдут там золото или что-то такое. И потом поставили маму с сестричкой, потом бабушку со мной, а сзади папа. И один встал, чтоб одним выстрелом убить всех, но пьяный не попал <...> В это время проезжала машина, ехал немецкий офицер. Он увидел, как, какая там сложилась ситуация, что случилось. Потому что он румын [прогнал] <...>

Инф.7.: Были еще и порядочные немцы тоже! [Инф. 6 и 7].

Рассказы о том, как румыны или венгры проявляют особую жестокость, а немцы защищают от них местное население, отражают представление о своеобразной «иерархии народов», в которой немцы занимают высокое положение за счет своей «культурности» и «цивилизованности»; ответственность за преступления против гражданского населения «перекладывается» на выходцев из других стран «оси». Позднее семью нашего собеседника все-таки доставили в гетто, но, по рассказам его родителей, и там немцы проявляли к ним сочувствие – один из них поделился едой, так как, согласно интерпретации самого рассказчика, вид играющих детей настроил его на сентиментальный лад:

Инф. 6: Все мы сели на подводу, и он нас отвез в гетто. Нас всех зарегистрировали, и всё... С сорок первого по сорок четвертый год мы находились в гетто. И потом мне бабушка рассказывала такой случай: это уже подходило к концу войны <...> Она сидела на приспичке¹¹, а мы с сестрой игрались в пыли перед ней. И тут приходил немецкий офицер, ой, солдат. Пожилой. Подошел, остановился, снял ранец, а у меня и сейчас есть этот ранец, вот такой, круглый, металлический. Растегнул, вытащил кусочек хлеба, сахара. Подозвал нас. То ли я, [то ли] сестра подошла, он дал это самое, пошел мимо. О, киндер, киндер, фрау, фрау! Слезы вытер и пошел. Вот вам немец. Это то, что мне родители рассказывали. Немец нас

¹¹ *Приспичка* – диалектное название выступа на фасаде дома, который выполняет функции скамейки.

спас, другой немец жалость оказал. Но то, что творили – зверства. Это особенно и местные [в] этом принимали участие.

Инф. 7: Полицаи [Инф. 6 и 7].

Бескорыстная «доброта» немцев в его рассказе противопоставляется корысти «полицаев»¹²:

Ну что вам рассказать, если, допустим, колонна евреев шла, местные жители стоят. Одни с сердечной болью, другие со злорадством. И какой-то там женщине приглянулись туфли. Вон – показывает полицаю. Он выводит того человека, снимает туфли, дает той женщине, та дает ему самогона, он человека убивает. Или там пальто, или что. Понимаете, были такие случаи тоже [Инф. 6].

Поисковик-любитель из г. Почепа Брянской области рассказал нам о том, как он в ходе поисковых работ записал рассказ пожилой женщины, которая представилась как очевидица войны. В этой истории немцы выступают как хранители порядка, регулирующие поведение «полицаев»:

История, ну это в обратную сторону, скажем так. Приехала группа из Брянска, а им дедушка напел, что диверсионную группу нашу поймали, расстреляли. Да, действительно, находят братскую могилу, два человека в странной форме, ботинки немецкие, форма немецкая, вот. Вроде бы, ну черт его знает, может оно. Бабулька какая-то: етить твою мать, это этих самых, полицаев, постреляли сами немцы, за изнасилование. Они их в Титовке поймали, и тут расстреляли. Ну вот вам казус <...> То есть немцы карали за это дело. То есть порядок есть порядок... Орднунг, он есть... [Инф. 8].

«Орднунг»¹³ часто фигурирует в устных рассказах: так, наш собеседник из Ставрополя этим словом охарактеризовал распорядок готовки, который существовал в занятых немцами домах:

¹² Такой способ повествования о коллаборационизме и о побуждениях коллаборантов типичен: в устной традиции фигуры «полицаев» и мародера зачастую сливаются, а деятельность коллаборантов сводится к ограблению односельчан [Белянин, Закревская 2022].

¹³ Орднунг – от нем. *Ordnung* «порядок».

Бабушка готовила еду, а было четко... У них порядок – «орднунг» [Инф. 5].

Нередко в устных нарративах появляется тема помощи, которую немцы оказывали евреям при спасении во время акций Холокоста. В таких рассказах немцы могут посоветовать еврею, как ему притвориться представителем какого-либо другого народа. К примеру, о своем воевавшем предке сотруднику «Сэфера» рассказал информант из Тулы:

Его спасла... Я до сих пор читаю молитву за эту женщину... Немка <...> Эта женщина, когда... Вы кто по национальности? – Он говорит: Еврей. – Я вас прошу, если хотите остаться в живых, то вы выдайте себя за кого угодно. Вы где жили? – Он говорит: В Средней Азии. – Вы язык тех народов знаете, которые там? – Я знаю, говорит, узбекский, таджикский. А таджикский – это наш родной язык, фарси, мы на фарси говорим. Он выдал себя за таджика, и в связи с этим остался жив [Инф. 9].

«Метасюжет»

Среди историй о немецкой «культурности» особое место занимают рассказы об отказе от эвакуации. Централизованной эвакуации подлежали в первую очередь сотрудники важных предприятий и члены партии, в то время как основная масса населения западных окраин СССР могла эвакуироваться только самостоятельно [Голдман, Фильцер 2023, 39–115, 115–176]. Кроме того, информации о нацистской политике в отношении евреев в открытом доступе не было: об этом можно было узнать только от беженцев с Запада (а к их свидетельствам нередко относились скептически) и из газет на идише, которые говорили о нацистской политике скупно и имели очень небольшую аудиторию. Кроме того, многие советские граждане (и в том числе евреи) верили, что границы Советского Союза нерушимы, и война пройдет на территории Европы [Shternshis 2014]. Принятое в таких условиях решение об эвакуации – или отказе от нее – сложно назвать информированным и взвешенным. Истории, записанные хотя бы 10 лет назад, отражают

эту объективно сложную ситуацию. Так, в 2013 г. информантка центра «Сэфер» (род. в п. Дрибин, Могилёвская обл., Беларусь) рассказала, что ее родители эвакуировались, так как отец был партийным работником, а бабушка и дедушка отказались от эвакуации, не понимая до конца, зачем это нужно:

Когда в сорок первом году началась война, папу, как партийного работника, эвакуировали семьи. И нам предоставили телегу, потому что станция от нас была 10 километр[ов] <...> И мы уже все были погружены на телегу, и дедушки, и бабушки. Подошел один местный еврей – ну ладно, молодые убегают, а вы-то куда, старики, едете! Зачем вы Гитлеру нужны. Стариков вряд ли кто-нибудь тронет. И они слезли с этой телеги и остались, и всё [Инф. 10].

Информантка родом из Кишинёва в 2010 г. рассказала, что ее дед не уехал, так как не смог покинуть могилу своей жены:

...они убежали, пытались спастись, так же, как и все остальные евреи в этом месте. И знаю, что мама рассказывала, что они решили пройти через Добровены, где был вот дедушка. Я так понимаю, что это был мамин отец <...> Он был более преклонного возраста. Они пытались его уговорить, но он был овдовевшим, и они пытались его уговорить, чтобы он пошел с ними. И он было собрался, дошел до окраины села и сказал, что хочет пойти на могилу жены. И пошел туда на кладбище, на могилу жены, там начал рыдать и сказал, что он никуда не пойдет, и остался там. И, собственно говоря, потом уже рассказали, что там же его и расстреляли войска, которые вошли уже очень быстро. Его там же нашли и там и расстреляли [Инф. 10].

Чем больше времени проходит с момента войны, тем чаще наши собеседники обращаются к фольклорным объяснительным моделям. В интервью, записанных в начале 2020-х гг. (примерно на 10 лет позже приведенных выше), рассказчики используют троп о немецкой культурности в разы чаще:

И евреи некоторые – преподаватели, врачи там, учителя, бухгалтера – были в полной уверенности, что Гитлер их не

тронет. О том, что это цивилизованная нация, которая их трогать не будет. Поэтому они решили между собой... Они ходили друг к другу в гости – договаривались, решали, как они будут поступать, и они, многие из них, пришли к выводу, что это очень цивилизованная нация [Инф. 12].

Некоторым промежуточным вариантом может служить ссылка на то, что немцы уже оккупировали эти территории во время Первой мировой войны, и тогда относились к местному населению лояльно, а евреев даже использовали в качестве переводчиков: это объяснение исторически достоверно [Pohl 2009, 31] и не противоречит стереотипу о немецкой культурности и цивилизованности. Вероятно, такие рассказы не подверглись заметной трансформации, потому что изначально укладывалось в фольклорный шаблон. Они встречаются и у очевидцев войны, и у современной молодежи:

К чему я это говорю [что отец был офицер]? Когда было ясно, что немцы наступают, вопрос эвакуации. Военкомат, они для семей офицеров выделили возможность [получить] машину, чтобы упаковать вещи. Ну, мама, она была грамотный человек, она понимала, что такое... Со стороны отца, его отец, [входит в] список погибших... Он говорил [передразнивает]: «Ну-у-у, вот я помню восемнадцатый год, немеццы, ничего не было... Ну куда мы поедем, у нас столько детей, то-то, пятое...» В общем, они остались. А нам дали машину от военкомата и место на вокзал [Инф. 13].

Эти истории отличаются от приведенных выше тем, что они не показывают немцев «культурными людьми», а говорят о трагической судьбе тех людей, кто (по мнению рассказчика) думал таким образом. Предупреждение об опасности является весомым поводом пересказать какой-то либо нарратив другому человеку [Архипова^{*14}, Кирзюк 2020, 46]. Многие нарративы традиционного фольклора (например, былички о персонажах низшей мифологии) или современные городские легенды (об иголках со СПИДом и отравленной еде в McDonald's) выполняют ту же роль – предупреждают

¹⁴ Выполняет функции иностранного агента.

человека об опасности. Рассказы о том, что советские граждане, не воспринявшие всерьез рассказы о Холокосте в Европе, погибли страшной смертью, в рамках этой теории можно назвать своеобразными «метасюжетами»: они нужны для того, чтобы подчеркнуть важность внимательного отношения к предупреждению об опасности.

Заключение

Наравне с историями о жестокости оккупантов в устной традиции бытуют рассказы об их культурности, цивилизованности, справедливом отношении к жителям оккупированных территорий, любви к порядку. Большая часть таких рассказов, вероятно, не соответствует исторической реальности, не имеет параллелей в СМИ и потому не может быть объяснена медийным заимствованием. Я предлагаю объяснять их популярность и устойчивость механизмами устной традиции. Построение нарратива подчинено определенным когнитивным механизмам: любой рассказ не «изобретается» человеком «с нуля», а «собирается» из известных ему из культуры «блоков» – тропов и клише, нарративных шаблонов, оценочных суждений и неотрефлексированных стереотипных знаний о мире, которые актуализируются в нужный момент. Набор сюжетов о мирном соседстве с оккупантами, вероятно, связан с этническим стереотипом о немецкой «культурности», а также с особенностями крестьянского этоса (моральное суждение распространяется только на членов коллектива). При этом память о военных преступлениях в таких рассказах не вытесняется полностью: ответственность за них перекладывается на местных коллаборантов, а также на союзников нацистской Германии – румын, венгров, итальянцев.

Список информантов

Инф. 1 – Мужчина, 1953 г.р., род. в г. Ростове-на-Дону, военный. Зап. в г. Ростове-на-Дону 10.05.2021.

Инф. 2 и 3 – Две женщины, ок. 1980–1985 г.р. Зап. в г. Ростове-на-Дону, блиц-опрос на мемориале Змиёвская Балка 9.05.2021.

- Инф. 4 – Мужчина, 1934 г.р., род. в х. Дивногорье (Воронежская область), пенсионер. Зап. в х. Дивногорье 5.07.2017.
- Инф. 5 – Мужчина, 1937 г.р., род. в с. Малые Ягуры (Ставропольский край), сотрудник музея. Зап. в г. Ставрополе 15.09.2021.
- Инф. 6 – Мужчина, 1941 г.р., род. в г. Рыбнице, пенсионер. Зап. в г. Рыбнице 25.06.2018.
- Инф. 7 – Женщина, 1946 г.р., род. в г. Рыбнице, пенсионерка. Зап. в г. Рыбнице 25.06.2018.
- Инф. 8 – Мужчина, 1978 г.р., род. в г. Почепе (Брянская область), поисковик. Зап. в г. Почепе 2.08.2020.
- Инф. 9 – Мужчина, 1945 г.р., род. в г. Аниджане, пенсионер. Зап. в г. Туле 22.08.2021.
- Инф. 10 – Женщина, 1938 г.р., род. в пос. Дрибин (Беларусь, Могилёвская область), пенсионерка. Зап. в г. Могилёве 02.05.2013.
- Инф. 11 – Женщина, 1962 г.р., род. в г. Фалешты (Молдова). Зап. в г. Кишинёве 3.05.2010.
- Инф. 12 – Женщина, ок. 1960 г.р., род. в г. Ростове-на-Дону, сотрудница музея. Зап. в г. Ростове-на-Дону 10.05.2021.
- Инф. 13 – Мужчина, 1934 г.р., род. в г. Артемовске (Украина), историк. Зап. в г. Ростове-на-Дону 10.05.2021.

Литература

- Аксенов 2020 – *Аксенов В. Б.* Слухи, образы, эмоции. Массовые настроения россиян в годы войны и революции (1914–1918). М.: Новое литературное обозрение, 2020. 992 с.
- Амосова 2023 – *Амосова С. Н.* «Наше время кончилось»: эсхатологические мотивы в рассказах о Холокосте // Культура славян и культура евреев: диалог, сходства, различия. 2023: «Последние времена» в славянской и еврейской культурной традиции. С. 234–256. DOI: 10.31168/2658-3356.2023.12
- Архипова^{*15}, Зислин 2019 — *Архипова А. **, *Зислин И.* Похороны мыла: легенды и реальность Холокоста // Фольклор и антропология города. 2019. Т. II. № 1–2. С. 146–163.
- Архипова*, Кирзюк 2020 – *Архипова А. С. **, *Кирзюк А. А.* Опасные советские вещи: Городские легенды и страхи в СССР. М.: Новое литературное обозрение, 2020. 536 с.
- Бартми́нский 2005 – *Бартми́нский Е.* Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике / сост. и отв. ред. С. М. Толстая. М.: Индрик, 2005. 512 с.

¹⁵ * Выполняет функции иностранного агента.

- Белянин 2024 – *Белянин С. В.* Сюжет о еврейском богатстве в нарративах о Холокосте // Реконструкции в фольклористике: допустимость, возможность, необходимость: материалы круглого стола (Москва, РГГУ, 18–19 апреля 2024 г.) / сост. В. А. Черванёва. М.: РГГУ, 2024. С. 5.
- Белянин, Закревская 2022 – *Белянин С. В., Закревская Е. А.* «Ты будешь хлеб брать, а я буду палкой бить»: социальные функции нарративов о мародерстве // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2022. № 4. Ч. 2. С. 236–257.
- Белянин, Закревская 2023 – *Белянин С. В., Закревская Е. А.* Как история становится фольклором: механизмы фольклоризации историй о войне и Холокосте // Фольклор: структура, типология, семиотика. 2023. Т. 6. № 3. С. 61–87.
- Буайе 2017 – *Буайе П.* Объясняя религию. Природа религиозного мышления. М.: Альпина нон-фикшн, 2017. 496 с.
- Будницкий, Зеленина 2012 – «Свершилось. Пришли немцы!» Идеальный коллаборационизм в СССР в период Великой Отечественной войны / сост. и отв. ред. О. В. Будницкий; авторы вступ. статьи и примеч. О. В. Будницкий, Г. С. Зеленина. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. 325 с.
- Голдман, Фильцер 2023 – *Голдман В., Фильцер Д.* Крепость темная и суровая. Советский тыл в годы Второй Мировой войны. М.: НЛЮ, 2023. 712 с.
- Дюков и др. 2023 – *Нацизм на оккупированных территориях Советского Союза* / под ред. А. Дюкова, В. Симиндея, Е. Яковлева. СПб.: Питер, 2023. 512 с.
- Закревская 2023 – *Закревская Е. А.* Фольклорные модели в устных историях об оккупации: сценарии нарративизации и способы комбинации мотивов // Фольклор: структура, типология, семиотика. 2023. Т. 6. № 2. С. 69–96.
- Закревская, Белянин 2024 – *Закревская Е. А., Белянин С. В.* «Индустрия воспоминаний»: публичное воспроизведение и производство рассказов о Великой Отечественной войне // Шаги/Steps. 2024. Т. 10. № 3. С. 85–107. DOI: 10.22394/2412-9410-2024-10-2-85-107
- Кольга 2010 – *Кольга Г. И.* Немецкие историки о преступлениях вермахта на оккупированных территориях СССР (1941–1944 гг.): эволюция суждений // Научная мысль Кавказа. 2010. № 4 (64). С. 76–84.
- Краус, Варга 2015 – *Краус Т., Варга Е. М.* Венгерские войска и нацистская истребительная политика на территории Советского Союза // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2015. №1 (6). С. 73–96.
- Ленкова 1985 – *Ленкова А.* Это было на Ульяновской. Ростов-на-Дону: Ростовское книжное издательство, 1985. 128 с.

- Малая, Закревская, Аиткулова 2020 – *Малая Е. К., Закревская Е. А., Аиткулова Э. Р.* Между женской верностью и изменой: фольклорные переделки военных песен // *Фольклор и антропология города.* 2020. Т. III. № 3–4. С. 69–104.
- Молотов 1942 – Нота народного комиссара иностранных дел тов. В. М. Молотова о чудовищных злодеяниях, зверствах и насилиях немецко-фашистских захватчиков в оккупированных советских районах и об ответственности германского правительства и командования за эти преступления. Куйбышев: Облгиз, 1942. 75 с. <https://www.prlib.ru/item/848260> (дата обращения: 06.10.2024).
- Неклюдов 2007 – *Неклюдов С. Ю.* Заметки об «исторической памяти» в фольклоре // АБ–60. Сборник к 60-летию А. К. Байбурина / ред. Н. Б. Вахтин, Г. А. Левинтон, В. Б. Колосова, А. М. Пиир. СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге. 2007. С. 77–86.
- Неклюдов 2016 – *Неклюдов С. Ю.* Легенда о Разине: персидская княжна и другие сюжеты. М.: Индрик, 2016. 552 с.
- Панченко 2013 – *Панченко А. А.* Беглецы и доносчики: «военные нарративы» в современной новгородской деревне // *Русский политический фольклор: Исследования и публикации* / ред.-сост. А. А. Панченко. М.: Новое издательство, 2013. С. 117–143.
- Панченко 2022 – *Панченко А. А.* «Экосистемы сюжетов»: эмоциональные и когнитивные модели в современной фольклористике // *Русская литература.* 2022. № 1. С. 14–29.
- Рычкова, Черванева 2022 – *Рычкова Н. Н., Черванёва В. А.* Чужие в хате: воспоминания жителей Воронежской области об оккупации // *Живая старина.* 2022. № 4 (116). С. 32–34.
- Старгардт 2023 – *Старгардт Н.* Мобилизованная нация. Германия в 1939–1945. М.: КоЛибри, 2023. 688 с.
- Чекина 2022 – *Чекина А. А.* Этноним «немец» как презентатор немецкого культурного стереотипа (на материале русской литературы и публицистики XIX в.) // *Russian Linguistic Bulletin.* 2022. № 1 (29). С. 154–157.
- Чистов 2003 – *Чистов К. В.* Русская народная утопия (генезис и функции социально-утопических легенд). СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. 538 с.
- Энгелькинг 2018 – *Энгелькинг А.* Сказ полесского села, или о фольклоризации памяти о Второй мировой войне // *Славяноведение.* 2018. № 6. С. 27–46. DOI:10.31857/S0869544X0001763-2
- Andersen 2006 – *Andersen R.* A century of media, a century of war. NY, Bern, Berlin, Bruxelles, Frankfurt am Main, Oxford, Wien: Peter Lang, 2006. 350 p.
- Assmann, Czaplicka 1995 – *Assmann J., Czaplicka J.* Collective Memory and Cultural Identity // *New German Critique.* 1995. № 65. P. 125–133.
- Berkhoff 2004 – *Berkhoff K.* Harvest of Despair. Life and Death in Ukraine under Nazi Rule. Cambridge: Harvard University Press, 2004. 463 p.

- Dallin 1957 – *Dallin A.* German Rule in Russia, 1941–1945: A Study of Occupation Policies. London: Macmillan and Company; NY: St. Martin's Press, 1957. 727 p.
- Harris 2011 – *Harris A. M.* The lives and deaths of a Soviet saint in the Post-Soviet period: The case of Zoia Kosmodemianskaya // *Canadian Slavonic Papers*. 2011. № 53 (2–4). P. 273–304.
- Heath, Bell, Sternberg, 2001 – *Heath C., Bell C., Sternberg E.* Emotional selection in memes: The case of urban legends // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2001. № 81(6). P. 1028–1041.
- Lower 2005 – *Lower N.* Nazi Empire-Building and the Holocaust in Ukraine. Chapel Hill: The University of North Carolina Press, 2005. 328 p.
- MacLean 1998 – *MacLean F.* The Cruel Hunters: SS-Sonderkommando Dirlewanger. Hitler's most notorious anti-partisan unit. Atglen: Schiffer Publishing LTD, 1998. 303 p.
- Platt 2017 – *Platt J. B.* Zoya Kosmodemianskaya between Sacrifice and Extermination // *New Formations*. 2017. № 89–90. P. 48–70. DOI: 10.3898/NEWF:89/90.03.2016
- Pohl 2009 – *Pohl D.* Die Herrschaft der Wehrmacht. Deutsche Militärbesatzung und einheimische Bevölkerung in der Sowjetunion 1941–1944. München: Oldenbourg Wissenschaftsverlag GmbH, 2009. 399 s. DOI: 10.1524/9783486707397
- Rosenberg – Alfred Rosenberg: Biography // *Holocaust Encyclopedia*. <https://encyclopedia.ushmm.org/content/en/article/alfred-rosenberg-biography> (дата обращения: 12.06.2024).
- Shternshis 2014 – *Shternshis A.*, Between Life and Death: Why Some Soviet Jews Decided to Leave and Others to Stay in 1941 // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2014. Vol. 15. № 3. P. 477–504. DOI: 10.1353/kri.2014.0039

Plots About Kind and “Cultured” Germans in Oral Narratives About the Occupation

Ekaterina Zakrevskaya

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

Moscow, Russia

Researcher

ORCID: 0009-0002-7872-5020

Center for Slavic and Jewish Studies, Institute for Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

Leninsky Avenue, 32A,

Moscow, 119334, Russia
 Tel.: +7 (495) 938-17-80
 E-mail: eazakrevskaya@gmail.com

The study was conducted within the framework of the Scholarship program of the Research Center of the Jewish Museum and Tolerance Center Private Cultural Institution (Moscow) with the financial support of A. Klyachin
 The author thanks Valery Dymshits for valuable advice.
 DOI: 10.31168/2658-3356.2024.23

Abstract. The aim of this research is to analyze oral narratives regarding peaceful coexistence with the Nazis in the occupied Soviet territories. The interviews examined in this study were collected by the Sefer Center and the Jewish Museum and Tolerance Center. While such stories are widespread, they are historically inaccurate and lack media parallels. In this article, I seek to explain the popularity and persistence of these narratives within oral tradition by employing methods from Folklore Studies and Cognitive Psychology. My hypothesis posits that their appeal is linked to ethnic stereotypes surrounding German culture. Additionally, it may be attributed to the unique aspects of peasant ethics, where judgment is made only to members of the local community.

Keywords: *Oral History, Memory Studies, quasi-historical Folklore, occupied Soviet Land, Holocaust, collaborationism, nazis, Hungarian troops, Germans, ethnic stereotypes*

Reference for citation: Zakrevskaya, E. A., 2024, Siuzhety o dobrykh i «kul'turnykh» nemtsakh v ustnykh rasskazakh ob okkupatsii [Folk Tales about kind and “cultured” Germans in oral stories about the occupation]. *Kul'tura Slavan i Kul'tura Evreev: Dialog, Shodstva, Razlicia* [Slavic & Jewish Cultures: Dialogue, Similarities, Differences], 463–489. DOI: 10.31168/2658-3356.2024.23

References

- Aksenov, V. B., 2020, *Slukhi, obrazy, emotsii. Massovyie nastroyeniia rossiian v gody voiny i revoliutsii (1914–1918)* [Rumors, Images, Emotions. Mass Sentiments of Russian during the War and Revolution (1914–1918)]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 992.
- Amosova, S. N., 2023, “Nashe vremia konchilos’”: ekhatologicheskie motivy v rasskazakh o Kholokoste [“Our Time Is Gone”: Eschatological Motifs in Holocaust Narratives]. *Kul'tura Slavan i Kul'tura Evreev: Dialog, Shodstva, Razlicia* [Slavic & Jewish Cultures: Dialogue, Similarities, Differences]. 234–256. DOI: 10.31168/2658-3356.2023.12

- Andersen, R., 2006, *A century of media, a century of war*. New York, Bern, Berlin, Bruxelles, Frankfurt am Main, Oxford, Wien Peter Lang, 350.
- Arkhipova, A. S.¹⁶, and A. Kirziuk, 2020, *Opasnye sovetskie veshchi* [Dangerous Soviet Things]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 536.
- Arkhipova, A. S.*, and I. Zislin, 2019, Pokhorony myla: legendy i real'nost' Kholokosta [Burial of the Soap: the legends and Reality of the Holocaust]. *Fol'klor i antropologija goroda*, II (1–2), 146–163.
- Assmann, J., and J. Czaplicka, 1995, Collective Memory and Cultural Identity. *New German Critique*, 65, 125–133.
- Bartmiński J., 2005, *Iazykovoï obraz mira - ocherki po etnolingvistike* [Linguistic Image: Essays on Ethnolinguistics]. Moscow, Indrik, 512.
- Belyanin, S. V., 2024, Siuzhet o evreiskom bogatstve v narrativakh o Kholokoste [Jewish Wealth Motif in oral Stories about the Holocaust]. *Rekonstruktsii v fol'kloristike: dopustimost', vozmozhnost', neobkhodimost': materialy kruglogo stola (Moskva, RGGU, 18–19 aprelya 2024 g.)* [Reconstruction in Folklore Studies: admissibility, opportunity, necessity: materials of the Colloquium (Moscow, RSUH, April, 18–19, 2024)], ed. V. A. Chervaneva, 5. Moscow, Russian State University for Humanities, 27.
- Belyanin, S. V., and E. A. Zakrevskaya, 2022, “Ty budesh' khleb brat', a ia palkoi bit'”: sotsial'nye funktsii narrativov o maroderstve [“If you take the bread, I will beat you with a stick”. Social functions of narratives about looting]. *Vestnik RGGU. Seriya “Literaturovedenie. Iazykoznanie. Kul'turologiia”*, 4(2), 236–257.
- Belyanin, S. V., and E. A. Zakrevskaya, 2023, Kak istoriia stanovitsia fol'klorom: mekhanizmy fol'klorizatsii rasskazov o voine i Kholokoste [How history becomes folklore: folklorization mechanisms of war and Holocaust stories]. *Fol'klor: struktura, tipologija, semiotika*, 6(3), 61–87.
- Berkhoff, K., 2004, *Harvest of Despair. Life and Death in Ukraine under Nazi Rule*. Cambridge, Harvard University Press, 463.
- Boyer, P., 2017, *Ob'iasniaia religiia. Priroda religioznogo myshleniia* [Explaining the Religion. The Nature of Religious Thinking]. Moscow, Alpina non-fiction, 496.
- Budnitsky, O. V., and G. S. Zelenina, eds., 2012, “Svershilos'. Prishli nemtsy!” *Ideinyi kollaboratsionizm v SSSR v period Velikoi Otechestvennoi voiny* [“It happened. The Germans have arrived!” Ideological collaborationism in the USSR during the Great Patriotic War]. Moscow, Rossiiskaia politicheskaiia entsiklopediia, 325.
- Chekina, A. A., 2022, Etnonim nemets kak prezentor nemetskogo kul'turnogo stereotipa (na materiale russkoi literatury i zhurnalistiki 19 veka) [Ethnonym «nemets» (a German) as a presenter of the German cultural Stereo-

¹⁶ Выполняет функции иностранного агента.

- type (based on the material of Russian Literature and Journalism of the 19th Century)]. *Russian Linguistic Bulletin*, 1 (29), 154–157.
- Chistov, K. V., 2003, *Ruskaia narodnaia utopiia (genesis i funktsii sotsial'no-utopicheskikh legend)* [Russian folk Utopia (Genesis and Functions of the utopic Legends)]. Saint-Petersburg, Dmitrii Bulanin, 538.
- Dallin, A., 1957, *German Rule in Russia, 1941–1945: A Study of Occupation Policies*. London, Macmillan and Company, New York, St. Martin's Press, 727.
- Dukov, A., V. Simindey, and E. Yakovlev, eds., 2023, *Natsizm na okkupirovannykh territoriiakh Sovetskogo Soiuza* [Nazism on the occupied Soviet Land]. Saint-Petersburg, Piter, 512.
- Engelking, A., 2018, Skaz polesskogo sela, ili o fol'klorizatsii pamiati o Vtoroi mirovoi voine [The tale of a Polesia village, or on the folklorisation of the memory on World War Two]. *Slavianovedenie*, 6, 27–46. DOI: 10.31857/S0869544X0001763-2
- Goldman, W. Z., and D. Filtzer, 2023, *Krepost' temnaia i surovaia: sovetskii tyl v gody Vtoroi Mirovoi voiny* [Fortress Dark and Stern: The Soviet Home Front during World War II]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 712.
- Harris, A. M., 2011, The lives and deaths of a Soviet saint in the Post-Soviet period: The case of Zoia Kosmodemianskaya. *Canadian Slavonic Papers*, 53(2–4), 273–304.
- Heath, C., C. Bell, and E. Sternberg, 2001, Emotional selection in memes: The case of urban legends. *Journal of Personality and Social Psychology*, 81(6), 1028–1041.
- Kolga, G. I., 2010, Nemetskie istoriki o prestupleniakh Vermakhta na okkupirovannykh territoriiakh SSSR (1941–1944 gg.): evoliutsiia suzhdenii [German Historians on Wehrmacht crimes in the occupied Soviet Lands (1941–1944): evolution of Thought]. *Nauchnaia mys' Kavkaza*, 4(64), 76–84.
- Kraus, T., and E. M. Varga, 2015, Vengerskie voiska i natsistskaia istrebitel'naia politika na territorii Sovetskogo Soiuza [Hungarian troops and nazis' Extermination Politics on the Soviet Land]. *Zhurnal rossiiskikh i vostochnoevropeiskikh istoricheskikh issledovanii*, 1(6), 73–96.
- Lower, N., 2005, *Nazi Empire-Building and the Holocaust in Ukraine*. Chapel Hill, The University of North Carolina Press, 328.
- MacLean, F., 1998, *The Cruel Hunters: SS-Sonder-Kommando Dirlwanger Hitler's Most Notorious Anti-Partisan Unit*. Atglen, Schiffer Publishing LTD, 303.
- Malaya, E. K., E. A. Zakrevskaya, and E. R. Aitkulova, 2020, Mezhdzhu zhenskoi vernost'iu i izmenoi: fol'klornye peredelki voennykh pesen [Between female Fidelity and Adultery: folk Remakes of War Songs]. *Fol'klor i antropologiiia goroda*, III(3–4), 69–104. DOI: 10.22394/2658-3895-2020-3-3-4-69-104

- Nekludov, S. Yu., 2007, *Zametki ob istoricheskoi pamiati v fol'klоре* [Notes on the Historical Memory in Folklore]. *AB-60. Sbornik k 60-letiiu A. K. Baiburina* [Bulletin for 60th anniversary of A. K. Baiburin], eds. N. B. Vakhtin, G. A. Levinton, V. B. Kolosova, and A. M. Piir, 77–86. Saint-Petersburg: Evropeiskiy Universitet v Sankt-Peterburge, 572.
- Nekludov, S. Yu., 2016, *Legenda o Razine: persidskaia kniazhna i drugie siuzhety* [A Legend of Razin: Persian Princess and other Motifs]. Moscow, Indrik, 552.
- Panchenko, A. A., 2013, Beglety i donoschiki: “voennye narrativy” v sovremennoi novgorodskoi derevne [Fugitives and Informers: “wartime narratives” in the modern village of Novgorod Region]. *Russkii politicheskii fol'klор: issledovaniia i publikatsii* [Russian political Folklore: Researces and Matherials], ed. A. A. Panchenko, 117–143. Moscow, Novoya izdatel'stvo, 593.
- Panchenko, A. A., 2022, “Ekosistemy siuzhetov”: emotsional'nye i kognitivnye modeli v sovremennoi fol'klорistike [Ecosystems of Tales: Emotional and Cognitive Models in Today's Folklore Research]. *Russkaya Literatura*, 1, 14–29.
- Platt, J. B., 2017, Zoya Kosmodemianskaya between sacrifice and extermination. *New Formations*, 89–90, 48–70.
- Pohl, D., 2009, *Die Herrschaft der Wehrmacht. Deutsche Militärbesatzung und einheimische Bevölkerung in der Sowjetunion 1941–1944*. München, Oldenbourg Wissenschaftsverlag GmbH, 399.
- Rychkova, N. N., and V. A. Chervaneva, 2022, Chuzhie v khate: vospominaniia zhitelei Voronezhskoi oblasti ob okkupatsii [Outlanders in our Home: memories about occupation collected from the citizens of Voronezh region]. *Zhivaia starina*, 4, 32–34.
- Shternshis, A., 2014, Between Life and Death: Why Some Soviet Jews Decided to Leave and Others to Stay in 1941. *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, 15(3), 477–504.
- Stargardt, N., 2023, *Mobilizovannaya naciya. Germaniya v 1939–1945* [The Mobilized Nation. Germany since 1939 till 1945]. Moscow, KoLibri, 688.
- Zakrevskaya, E. A., 2023, Fol'klорnye modeli v ustnykh istoriiaakh ob okkupatsii: stenarii narrativizatsii i sposoby kombinatsii motivov [Folk models in stories about the occupation during the Great Patriotic War. Narrativization scenarios and the ways of combining motifs]. *Fol'klор: struktura, tipologiia, semiotika*, 6(2), 69–96.
- Zakrevskaya, E. A., and S. V. Belyanin, 2024, «Industriia vospominanii»: publichoe vosproizvedenie i proizvodstvo rasskazov o Velikoi Otechestvennoi voine [“The memory industry”: Reproduction and production of public stories about the Great Patriotic War]. *Shagi/Steps*, 10(3), 85–107.